

● СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Михаил ЖАРОВ:

«УСПЕТЬ
ЗА ВРЕМЕНЕМ»

Так бывает всегда: на какое-то время всякая удачная роль актера затмевает его прежние удачи, и в представлении людей имя его связывается только с этой ролью. Народный артист СССР Михаил Иванович Жаров в разные годы заставлял говорить о себе как Жиган («Путевка в жизнь») и Алексашка Меншиков («Петр Первый»), как Алексей из «Оптимистической трагедии» в Камерном театре и Лебедев в «Иванове» из спектакля Малого театра — их было много, самых разных актерских удач. А сегодня для миллионов почитателей его таланта Жаров — деревенский детектив Анискин.

— И знаете, обращаются в письмах не к артисту Жарову, а адресуют их прямо Анискину, особенно детвора: «Дяденька Анискин, помоги!» Пишут, не только не сомневаясь в реальности этого человека, но и в том, что он поможет непременно.

— Но ведь это же высший балл? Значит, так убедителен ваш новый герой, так достоверен. И так много в нем активной доброты.

— Вот это точно. Именно этим — активностью, силой характера, желанием вмешаться, но всегда по-доброму и для добра — и привлек меня Федор Анискин. Сразу уютно стало мне в этой роли, я жил в ней естественно и, знаете, обрадовался, когда позвонил мне Виль Липатов и сказал, что написал еще три серии в телефильм об Анискине.

— Михаил Иванович, вот вы сказали, что жили в этой роли естественно и свободно.

Но некоторые почитатели вашего таланта считают, что так же легко и без усилий вы входите в любую роль. «Такова природа его таланта» — объясняют они свою точку зрения, а некоторые без обиняков называют вас баловнем судьбы.

— Ну нет! Хоть это и легко, принять такое на свой счет не могу. Не хочу сказать, что так не бывает. Бывает, когда одна удачная работа совсем молодого актера сразу возносит его на гребень признания, популярности. Когда дальнейшее движение идет уже от этого уровня, от этого отношения к первой, блистательно сыгранной роли. А вот и совсем другой пример.

Если вы внимательно посмотрите старый-старый фильм «2-Бульди-2», можете заметить там девушку с большими испуганными глазами. Эта девушка на маленькой роли — артистка ныне признанная и всеми любимая Вера Петровна Марецкая. А начинала она вот с таких почти бессловесных ролей, и шагком за шагом, упорно и постепенно накапливала мастерство, оттачивала его. Этот путь мне ближе, и себя я причисляю не к баловням судьбы, а к актерам-работягам, продвигающимся по ступенькам мастерства постепенно, но все время, все время, день за днем. Работа, только упорная работа над ролью ведет к успеху. Что это такое? Если говорить обо мне, так еще мой педагог по импровизации А. Нелидов предупреждал: «Твой стихийный темперамент придется всякий раз укладывать в фор-

му, заключать в рамочку». И, знаете ли, иногда надо очень много усилий, прежде чем почувствуешь себя счастливым хозяином роли.

— Что это значит — быть хозяином роли? Играть так, как понимаете именно вы? Чувствовать сопереживание зала?

— Вот вам пример. Михаил Чехов в роли Хлестакова. Как раз на том спектакле, который мне повезло увидеть, во время сцены объяснения у него оторвалась штрипка.

Это было очень заметно, и зал замер: как поступит артист? Сделает вид, что ничего не произошло? Попытается как-то скрыть «неисправность»?

И что бы вы думали? Чехов вдруг изящно наклонился, оторвал штрипку совсем и, подойдя к стоявшему на окне цветку, игриво завязал на нем штрипку бантиком. Хотя нет, в том-то и суть, что все это проделал не Чехов, а Хлестаков: таким полным было перевоплощение актера, так всем существом своим в тот момент был он Хлестаковым. Вот это и есть, думается мне, высшее мастерство перевоплощения, когда ты абсолютно свободен в найденном тобою самочувствии героя. И никакие случайности не могут выбить тебя из этого самочувствия. Я, во всяком случае, был тогда восхищен тем, что показал Чехов, тем, какой это удивительнейший Хлестаков.

— Именно потому и отказались тогда от роли Хлестакова, предложенной вам?..

— Вообще-то я не думаю, что если кто-то хорошо сыг-

рал роль до тебя, то нечего за нее браться. Нет, интересно сделать как раз по-своему, как понимаешь ты. Но за Хлестакова я тогда так и не смог заставить себя взяться — слишком сильно было потрясение от игры Михаила Чехова.

— Но, Михаил Иванович, я вот вспомнила давнюю историю — о спектакле с вашим участием на заводе «Серп и молот» по пьесе Бернарда Шоу. О том, вернее, как все актеры, зараженные живой реакцией зрителей, стали «подыгрывать» настроению зала, как на ходу придумывали смешные «трюки и фортели», и чем больше смеялся зал, тем больше входили в азарт... Это ведь тоже действия внутри роли...

— В виду имеется «Капитан Брансбонд»? Тот спектакль был мне уроком. Потому что я и мои коллеги, все мы пошли на поводу у зрителя неподготовленного, невыскаленного, пошли по пути дешевого успеха. Тогда я дал себе зарок, что никогда не буду «трючить и фортелировать». И я думаю, что свобода владения миром своего героя и трюкачество в роли — явления не одного порядка. Это разные явления. Тем более что в искусстве, как вы знаете, огромную роль играет знаменитое «чуть-чуть».

— Среди всех ваших многочисленных титулов мне хочется выделить один, не так уж часто упоминаемый: первый певец в первом звуковом фильме. Сегодня ведь нередко именно экран дарит нам многие песни, получающие потом долгую и счастливую судьбу.

— И тем не менее было время, когда экран молчал. Да, мне очень повезло — наш киноэкран впервые запел моим голосом. Песня была, прямо скажем, не лучшая. Но лучшую и не мог выбрать мой герой — Жиган. Ведь снимали-то мы «Путевку в жизнь». Помню, как я выводил эти слова: «Для чего я на свете родился, для чего родила меня мать», а режиссер Николай Эрк и изобретатель способа звукозаписи Тагер, замерев, ждали, чем же это кончится. И вот воспроизводим записанное и слышим мою песню. Впрочем, нет, тогда я себя совсем не узнал

и, наверное, поэтому плакал вместе с остальными: Эрк прослезился, потому что фильм-то получался, черт возьми, звуковой, первый звуковой фильм! Тагер плакал от счастья, что его детище получило жизнь, а у изобретателей это, сами знаете, бывает далеко не всегда. С тех пор я нередко что-то напевал, мурлыкал себе под нос на экране. Но только не от любви к собственным вокальным данным, а если этого требовала роль. А в роли Анискина, заметьте, я заставляю петь для себя своих оговльцов. По-моему, у них это хорошо получилось.

— Михаил Иванович, вот вы сыграли огромное количество ролей в театре и кино. Ролей разных, непохожих, прекрасных. И, оказывается, есть на свете «ваши» роли, которые остались несыгранными. Хлестаков, например. Есть ли еще роли, которые остались почему-либо только мечтой?

— Назову только одну — шекспировского сэра Джона Фальстафа. Покойный Михаил Михайлович Тарханов, большой мой друг, очень советовал мне сыграть эту роль. Ему самому это не удалось — и он интересно объяснял, почему. Для Фальстафа в жизни актера должно быть свое «окошечко»: пока он молод — ему не сыграть, потому что для этой роли необходима глубина, умудренность личности. А если возьмется за Фальстафа уже зрелым мастером, ему может попросту не хватить физических сил. Такая уж это роль. Вот и я это окошечко пропустил. Правда, недавно все-таки сыграл Фальстафа — в телевизионном фильме, но это совсем не тот шекспировский образ, о котором мечталось.

— Многие наши читатели слушают передачи клуба книголюбов, в которых вы неизменно участвуете. Книжки — это ваш отдых?

— Да, если хотите. Расточать время на праздный отдых мне всегда казалось абсолютно ненужным. Жажда работы обуревала меня всю жизнь. Кажется, одной жизни мало, чтобы стать настоящим мастером, и потому постоянно подгоняешь себя, чтобы успеть за временем...

И. МАРЦЕВА.